

Рисунок Юрия Диденко, 2007

Россия — это какое-то заколдованное место, где всякий, едва ступив, пускается в бесконечный и однообразный пляс, дёргаясь и переваливаясь с боку на бок, как наша национальная игрушка ванька-встанька.

Юрий Мальцев

Судью поразило то, как до неприличия походил Ваня на молодого Владимира Ульянова. Все видели татаро-монгольский разрез глаз, скулы, пушистые ресницы — удивительный образ того, великого, который пошёл другим путём. Чмотанову этого простить не могли, но никто не высказал вслух и намёка. Ваня получил десять лет.

Николай Боков, Борис Петров

Архидерзкий замысел

Москва. Февраль 1970 года. Вор-карманник-рецидивист Ваня Чмотанов, потрошащий сумки и кошельки в столичных универсальных магазинах, случайно узнаёт, что некий иноземный миллиардер-сумасброд имеет странное хобби — он коллекционирует черепа жертв нацистских концлагерей и платит за них бешеные деньги. Виртуозно владеющий секретами своей криминальной профессии, Чмотанов решает похитить и продать этому сумасшедшему (с его точки зрения) миллионеру голову от мумии Ленина — и тем самым навсегда решить собственные материальные проблемы. Однако, приступая к осуществлению своего архидерзкого преступного замысла, Ваня не догадывается о том, чем эта затея обернётся и для кажущейся незыблемой советской власти, и для него самого. А всему виной станет это его проклятущее внешнее сходство с Кузьмичом — как фамиллярно именуется он про себя главного большевика всех времён и народов...

Такова сюжетная завязка этого необычайного во всех отношениях сочинения. И прежде всего — в том, что в истории российской изящной словесности

второй половины XX века ему было суждено стать примером наиболее яркой литературной мистификации. Поскольку подписано оно было не именем (точнее — именами) тех, кто его сочинил(и), но именем, которое никогда и ни при каких обстоятельствах появиться на его титульном листе не могло.

Однако обо всём по порядку.

Озарение на выходе

Каждая книга имеет свою историю. А многие также и предысторию. При этом вторая зачастую бывает не менее интересна, чем первая.

Мог ли в начале 1970 года 24-летний москвич Николай Боков предполагать, чем обернётся для него месяц спустя визит в находящуюся на Красной площади гробницу с мумией Ленина? Ему, в ту пору аспиранту на кафедре эстетики философского факультета МГУ, доводилось уже бывать в этом неприятном месте, и не один раз: в студенческие годы Боков подрабатывал организатором экскурсий для иногородних по главным достопримечательностям Москвы, в числе коих мавзолей Ленина значился на первом месте. Но на сей раз экскурсия была не для неизвестных ему провинциалов, а только для одного человека. В Москву из Казани привезли десятилетнюю девочку Надю, которая была ребёнком его друзей — супружеской пары композитора Софии Губайдулиной и поэта Марка Ляндю. Друзья попросили Бокова сводить их дочь в мавзолей — Надя страстно желала увидеть «дедушку Ленина». Отказать было невозможно, и Боков, взяв девочку за руку, в морозный февральский день повёл её на Красную площадь. Выстояв длиннющую змеобразную очередь, Николай и Надя попали в гробницу и вместе с прочими любителями поглазеть на большевистскую диковинку прошагали мимо возлежащей под стеклянным колпаком мумии.

Выйдя на божий свет, Боков почувствовал мгновенное озарение: у него в голове возникла мысль: «А что будет, если вдруг мумию сопрут? Ну или хотя бы одну лишь голову?..»

Так родился сюжет, которому было суждено воплотиться в блестящее литературное произведение. Популярности которого в среде потребителей Самиздата в значительной степени способствовало то, что появление его совпало с отмечавшимся в те дни главным праздником советского народа и всего прогрессивного человечества — столетием со дня рождения Владимира Ульянова-Ленина.

Анти-Ильф и супер-Петров

Вечером того же дня Николай Боков рассказал об озарившей его идее своему другу — журналисту Борису Петрову.

Тридцатитрёхлетний Борис Петров принадлежал к разряду тех, про кого принято говорить, что такой-то является «человеком с двойным дном».

Николай Боков

На поверхности Петров был мелким газетным репортёром, служившим в редакции «многотиражной» газетёнки «Знамя строителя» и не имевшим никакой возможности сделать «приличную» (по советским понятиям) журналистскую карьеру. Отсутствие карьерных перспектив было обусловлено тем обстоятельством, что Петров хотя и окончил факультет журналистики МГУ, но диплома о высшем образовании не получил. (Ничего удивительного для того, кто родился и вырос в Советском Союзе, в этом факте быть не должно: в этой стране случилось и не такое.) Соответственно, его уделом была служба лишь во второстепенных «печатных органах», не имевших прямого отношения к идеологической борьбе с «враждебным империалистическим окружением»; о том, чтобы попасть на радио или на телевидение, он не мог даже и мечтать.

Под поверхностью же Борис Петров был историком-энтузиастом, изучавшим различные «мутные пятна» в истории Советского Союза. Особенно его занимали обстоятельства причин германо-советской войны 1941–1945 годов. Как свидетельствовал Николай Боков много лет спустя, уже в конце 1960-х годов его старший друг был абсолютно убеждён в том, что нападение Гитлера на Сталина 22 июня 1941 года было не разбойничьей агрессией, как об этом с первых же дней войны твердила советская пропаганда, а превентивным ударом — чтобы сорвать план Сталина напасть на Гитлера и захватить всю Европу.

Выслушав сюжетную задумку Бокова, Петров идею тут же подхватил и с присущим ему энтузиазмом к интеллектуальным авантюрам вызвался стать соавтором. «Ты будешь — анти-Ильф, а я — супер-Петров!» — воскликнул шутник из строительной «многотиражки». Новоявленные соавторы покатались от хохота — и работа закипела.

«Жёлтый смех»

О том, как проходил процесс совместного сочинительства, Николай Боков вспоминал со свойственной ему в последние годы жизни меланхоличной иронией:

«Задыхаясь от хохота, мы с Петровым развивали сюжет устно, а затем торопились записать. Боря вечно опаздывал: в газетке, где он служил, его всё время посылали в краткосрочные командировки — разоблачать неполадки на строящихся “объектах”; писать нам приходилось урывками. Но эту работу я вспоминаю как одно из лучших времён в моей подсоветской жизни. Каждый неожиданный поворот темы — а они следовали один за другим — вызывал новый приступ

смеха. Мы хохотали до слёз, задыхаясь и, что называется, держась за животики. И теперь ещё, начиная перечитывать “Чмотанова”, я слышу эхо того хохота — и мне делается немного не по себе... Отчего? “Жёлтый смех”, — как говорят французы. Это значит — истерический, ненатуральный, недобрый. Смех, не кончающийся добром...»

Работа над «Смутой» заняла у соавторов не более двух (максимум — трёх) недель. При этом, по свидетельству Бокова, Петров постоянно окорачивал разгул его неуёмной фантазии.

Так, по настоянию соавтора из окончательного текста был исключён придуманный Боковым эпизод, в котором настоящему Ленину является в ночном кошмаре сама Большевицкая Партия — в образе старухи в чепце и кружевном пеньюаре, делающей пророчество о неминуемом крахе советской власти. «Не надо издеваться над Пушкиным! — категорично изрёк Петров. — Или ты в Обуховскую больницу захотел?» Аргумент был убийственным. (О том, что значит оказаться в психушке, Бокову рассказывать было не надо — пятью годами ранее ему уже довелось пройти через этот ад. Тогда, в 1965-м, он симулировал психическое заболевание, стремясь вырваться из капкана Советской армии, в который угодил годом ранее вследствие нерадивого отношения к учёбе в университете, и где наверняка бы погиб, если бы не перевоплотился в психа и не сумел запудрить мозги армейским психиатрам.) И сценка была удалена.

Упрямый Боков попытался сохранить полюбившуюся ему старушку и попробовал впихнуть этот образ в другой фрагмент повести. В нём старушка, облачённая уже не в пеньюар, а в симпатичное белое платьице, ласково уговаривала потерявшего голову от ужаса разразившегося в стране хаоса Генсека (то есть Брежнева) уйти от власти и бежать из охваченной смутой Москвы, пока его не посадили на кол. Но и этот номер не прошёл — по настоянию Петрова inferнальная старушенция была безжалостно выпилена из текста. Зато эпитафия к их произведению, предложенный Боковым из того же А. С. Пушкина («Как думаешь, чем кончится тревога?» — и далее — общеизвестные строки из «Бориса Годунова»), Петров сразу же оценил и полностью одобрил.

Операция прикрытия

Наконец процесс написания повести был завершён. Впереди был второй этап — её запуск в Самиздат.

Опыт распространения самиздатовской литературы у Николая Бокова уже был. Будучи человеком с явно выраженной психологией диверсанта-подпольщи-

Борис Петров

ка, в этом ремесле он предпочитал копировать тексты не на пишущей машинке, а на фотобумаге. Эта технология была хотя и трудоёмкой, но гораздо более безопасной — прежде всего в отношении идентификации самиздатовских копий. Гэбисты всегда изымали у диссидентов на обысках пишущие машинки и месяцами их не возвращали, пытаясь определить, использовались ли они при тиражировании уже захваченных ими ранее самиздатовских текстов или нет. Если экспертиза давала положительный ответ, машинка тут же оформлялась как изъятое и приобщённое к тому или иному уголовному делу «вещественное доказательство». Если привязать ни к одному из имевшихся в производстве «дел» её не удавалось, машинку возвращали владельцу, часто в поломанном виде и, разумеется, безо всяких извинений. Идентифицировать же фотоувеличитель, использовавшийся для размножения самиздата, по фотокопиям было невозможно — если, конечно, он не находился в обыскиваемой квартире в момент налёта.

Но прежде чем приступить к микрофильмированию изготовленной в нескольких копиях машинописи, Николаю Бокову и Борису Петрову необходимо было решить важнейший вопрос — обеспечения собственной безопасности. И здесь соавторами была разработана оригинальная схема операции прикрытия. Боков вспоминал:

«Конечно, мы понимали, что как только “Смута” попадёт в Самиздат, автора станут искать. И не одни только её восторженные читатели, но и те, что читают по долгу службы. Возникла мысль — пустить собак по ложному следу, причём забавляясь и тут. Так было сочинено Послесловие, в котором автор называл своё имя: Всеволод Кочетов. Тот самый, знаменитый романист ЦК КПСС, “борзописец момента”, как мы его называли. Отчего именно Кочетов, а не какой-нибудь Кожевников или, скажем, Наровчатов? По-видимому, по причине того, что более одиозного имени среди подходящих на роль нашего прикрытия совписов отыскать было трудно. Да и недавний скандал с его последним романом, эхо которого в начале “юбилейного” года ещё всю носилось по Москве, тоже играл нам на руку» .

Из «Послесловия Кочетова» читатели «Смуты» могли узнать, что эта повесть, совершенно не похожая на его прежние сочинения, была написана автором «Братьев Ершовых» и «Секретаря обкома» после того, как у него произошёл обширный инфаркт. Пребывание на больничной койке, между жизнью и смертью, способствует тому, что у человека происходит полная переоценка ценностей и представлений о том, чем ему следует заниматься, если повезёт выжить. Именно это случилось и с писателем Кочетовым. Липовое «Послесловие» завершилось следующим его признанием:

«После больницы я пишу по-другому.

Сплю хорошо, сердце не болит, настроение прекрасное. Такова врачующая сила литературы.

Прошу считать меня автором только этой вещи, пока единственной. Прошу забыть, что ранее мною написаны многочисленные и даже популярные романы.

Такова моя авторская воля».

«Единица изъятия»

От момента, когда «Смута» была запущена в Самиздат, до момента, когда она попала на Лубянку, прошло не больше полутора месяцев. Быть может, и ещё меньше. Известна точная дата, не позднее которой это произошло, — 21 мая 1970 года.

В этот день в рязанской деревне Акулиново был арестован московский диссидент, историк и публицист Андрей Амальрик. Полугодом ранее он получил всемирную известность как автор футурологического памфлета под названием «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». В этом сочинении, используя метод структурного анализа, помноженный на мощь собственного интеллекта и доступные ему сведения о состоянии советской экономики, диссидент Амальрик убедительно доказывал, что часы советской империи сочтены и больше полутора десятилетий она не протянет.

Сразу же после ареста гэбисты привезли Амальрика в Москву и устроили обыск в его комнате в коммунальной квартире в доме № 5 на улице Вахтангова. Во время обыска было захвачено множество единиц самиздата, в том числе книги Светланы Аллилуевой («Двадцать писем к другу»), Василия Гроссмана («Всё течёт...») и Владимира Гусарова («Мой папа — партийный бонза»). Был в числе изъятого и рулон экспонированной фотоплёнки со «Смутой».

Когда эту «единицу изъятия» вносили в протокол обыска, Амальрик сделал заявление, что не знает, какой текст находится на данной фотоплёнке, поскольку она попала к нему накануне отъезда в деревню и он не успел ознакомиться с её содержанием. То же он повторил и на одном из последовавших допросов, когда следователь, опираясь на список изъятого, пытался навесить на него как можно больше «материалов клеветнического характера», угрожая переквалифицировать статью на более тяжкую — «антисоветская агитация и пропаганда». И случилось нечто странное. Получив ответ Амальрика по поводу фотоплёнки, следователь сказал: «Ну, тогда, если вы не возражаете, мы не будем использовать эту единицу изъятия в нашей работе». Амальрик, естественно, не возражал — и «Смута» в обвинительное заключение по его «делу» не попала. Да и угрозы следователя ужесточить статью также оказались не более чем блефом — как писал Амальрик в посмертно изданной мемуарной книге «Записки диссидента»:

«В конце концов было вынесено постановление: дело по статье 70-й прекратить из-за недоказанности того, что я “распространял” эти книги, а сами книги сжечь».

Книги они, быть может, и сожгли, но вот фотоплёнку со «Смутой» наверняка оставили. Это было «вещественное доказательство», с помощью которого им

предстояло установить личность того, кто этот пасквиль сочинил и начал распространять. Дело было привычное. Оставалось только найти и взять.

В интересном положении

Узнав об аресте Амальрика, Боков насторожился. Кто именно передал ему фотоплёнку со «Смутой», он не знал, да теперь это было уже совершенно неважно. Важно теперь было то, что текст попал в руки тайной полиции, и тайная полиция будет заниматься положенной ей деятельностью. То есть сыском. В том, что их с Петровым уже начали искать, Боков не сомневался. Отныне единственным, что могло уберечь их от ареста, была необходимость держать язык за зубами. И надеяться на то, что пронесёт.

Между тем проходили неделя за неделей, месяц за месяцем, и циркулировавшая в Самиздате фантастическая повесть об удачливом карманнике, стибрившем из мавзолея голову Ленина, набирала популярность в читающих массах. Этому способствовали не только небольшой объём её текста и чисто литературные стилистические достоинства, но также и то, что сочинение это содержало в себе важнейшую интригу — никто не знал, что за сатирик укрылся под именем совписа Кочетова, и всем хотелось эту тайну разгадать. Каждый читатель имел возможность выдвигать в поисках подлинного автора какие угодно гипотезы и строить какие угодно предположения. Чем они активно и занимались, зачастую не подозревая о том, что автор — по крайней мере, один из авторов — стоит или сидит рядом с ними и участвует в обсуждении, то поддакивая, то выражая сомнение в оправданности того или иного предположения. Николай Боков вспоминал:

«Я находился в интересном положении: встречаясь с друзьями и знакомыми, читавшими Самиздат, я слышал мнения о “Смуте”, высказанные с полной откровенностью. При этом говоривший и не подозревал, что автор — вот он, стоит перед ним. Случалось слушать и пересказы “Смуты” — и сколько новых её вариантов я узнал! Иногда в устном пересказе те или иные диалоги наших персонажей пополнялись новыми выражениями, усиливавшими экспрессию и образность до полной непечатности...»

Но иногда случались и проколы, ставящие боковскую конспирацию на грань провала.

На какой-то вечеринке с обязательной выпивкой, закуской и непременно состязанием в остроумии, расслабившись в приятной эмоциональной атмосфере, Боков не утерпел и произнёс сатирический скетч, заставивший собравшихся хохотать до упаду. Он пересказал в лицах историю, которую в «Смуте» излагает старая большевичка Пролежнева — про то, как в молодости она колесила по всей Европе, надеясь познакомиться с пребывавшим в эмиграции Лениным, но тот постоянно отовсюду уезжал прежде, чем в этом городе появлялась она. А те товарищи по партии, которых она принимала за Ильича, оказывались то Красным, то Зиновьевым, то ещё чорт знает кем — но только не тем, кого она так

страстно жаждала увидеть. Однако полвека спустя, когда Марья Конспиратовна пребывала уже в состоянии старческой деменции, это не мешало ей выступать на собраниях старых большевиков с рассказами на тему «Мои встречи с Лениным». Отсмеявшись и утерев слёзы, слушатели боковской репризы продолжили выпивать и состязаться в остроумии. На том, казалось, дело и кончилось. Однако, как вспоминал Боков, у этой истории было продолжение — для него неожиданное и малоприятное:

«Спустя несколько лет один участник того собрания сказал мне при случае, что, видимо, “Смута” написана мною. Он объяснил, что запомнил тот мой скетч, а уже после, прочитав повесть, опознал эпизод с Пролежневой — и, совместив одно с другим, догадался. Я не был готов к разоблачению, но сумел не подать виду, пожал плечами и неопределённо хмыкнул. Знакомый остался доволен таким ответом, и дело дальше не пошло. Но эта история стала для меня хорошим уроком».

Два оба два

В то время как Николай Боков продолжал работать в аспирантуре филфака МГУ, а Борис Петров — в редакции газетки «Знамя строителя», писатель Владимир Войнович сочинял вторую книгу романа о необычайных приключениях солдата Ивана Чонкина. Этот роман обещал быть ещё более издевательским по отношению к советской власти, чем первый.

В разгар работы над второй книгой о Чонкине до Войновича дошёл слух, что в Самиздате распространяется его «непечатная» повесть, в которой какой-то во-ришка, похожий на Ленина, выкрадывает из мавзолея мумию и провозглашает себя ожившим вождём, после чего в СССР начинается революция и новая гражданская война. И что написано так здорово, что Войновича можно только поздравить с тем, что он — такой бесстрашный и ничего не боится.

Это было неприятно, но, сколько бы Войнович ни уверял сообщавших ему об этой истории доброхотов, что он ничего подобного не писал, те лишь снисходительно улыбались и подмигивали — знаем, что не писал, конечно, не писал, но ведь больше же всё равно некому...

* * *

Небольшое отступление от хронологии — в развитие темы.

В середине 2010-х, то есть четыре с лишним десятилетия спустя после описываемых событий, я поинтересовался у Владимира Войновича — помнит ли он эту историю. И если да, то какие эмоции она в ту пору у него вызвала?

Память у писателя Войновича была изумительная до последних его дней, и эту историю он помнил:

— Да, было такое. Молва приписывала авторство этой повести мне. И, следует признать, некоторые основания для этого были: в ней можно при желании

обнаружить пересечения с моим стилем. Не исключаю, — предположил автор бессмертного «Чонкина», — что этот парень, Боков, мне подражал.

— Эти парни, Владимир Николаевич. — Редактор всегда берёт во мне верх над сочинителем. — Их было двое, соавторов «Смуты»: один — Боков, другой — Петров.

— Что вы говорите! — засмеялся Войнович. — Тех гэбистов, что в семьдесят пятом отравили меня в «Метрополе», тоже было двое. И один — тоже Петров!

Дальше мы хохотали уже дуэтом. Разумеется, я знал, что отравители Войновича, назвавшиеся ему Петровым и Захаровым, были никакие не Захаров и не Петров. Но не посмеяться от констатации факта взаимопроникновения советского абсурда в антисоветский и обратно — было невозможно.

Чмотанов в Париже...

С развитием Самиздата как культурно-общественного и социально-политического явления менялись как его структура (то есть содержательная часть), так и широта охвата читательской аудитории. И то и другое неуклонно расширялось, захватывая всё новые и новые «поляны».

Важнейшую роль в расширении аудитории Самиздата с конца 1960-х годов стали играть иностранные радиостанции, вещающие на СССР на русском языке: Би-би-си, «Немецкая волна», «Голос Америки» и особенно Радио «Свобода». На последней был создан специальный отдел, получивший название «Архив Самиздата». Он занимался накоплением, сортировкой и классификацией поступающих из СССР самиздатовских текстов, а также последующим их использованием в рамках «психологической войны» стран «свободного мира» против советского тоталитарного режима. На каждой из данных радиостанций существовали программы литературных чтений, в которых постоянно транслировались циклы передач по тем или иным сочинениям советских писателей, которые не могли быть опубликованы в СССР по цензурным основаниям и выходили за его пределы — в издательствах эмигрантских («YMCA-Press», «Possev-Verlag») и русскоязычных («Ardis Publishers», «ALI», «ОPI» и др.).

Не отставала в этом благородном деле и газетно-журнальная периодика Русского Зарубежья: нью-йоркский «Новый журнал», энтээсовские «Грани», парижские «Возрождение» и «Русская мысль» также охотно публиковали попадающие к ним новинки Самиздата. Поэтому, когда осенью того же 1970 года «Смута» просочилась на Запад (по советской терминологии — «ушла за кордон») и оказалась в редакции «Русской мысли», её главный редактор Зинаида Шаховская мгновенно осознав, какой силы текст попал к ней в руки, приняла беспрецедентное решение: публиковать повесть неведомого автора в виде спецвыпуска газеты. Что и было сделано 26 ноября 1970 года.

Мало того — сразу же вслед за тем, в декабре, повесть была выпущена «Русской мыслью» и в виде книги — в собственном издательстве «La Presse Libre».

Книга, вследствие небольшого объёма текста и большого формата, получилась более похожей на брошюру (в ней было всего 48 страниц), однако это обстоятельство никоим образом не принижало качество издания. На обложке его был изображён Ваня Чмотанов, держащий в одной руке ножик, а другой прижимающий к себе голову мумии Ленина. При этом воришка цинично ухмылялся, всем своим видом демонстрируя — то ли ещё будет, дорогие товарищи!.. Иллюстратор, укрывшийся под криптонимом DIM, очень точно попал в тему боковско-петровского сочинения. Внутри, под обложкой, были ещё две его картинки, столь же смешные.

...в Лондоне...

Почти одновременно с публикацией «Смуты» в Париже она была издана и по другую сторону Ла-Манша — в Лондоне. В столице Великобритании на это сподобился мелкий торговец букинистическим антиквариатом Алек Флегон, имевший собственное «карманное» издательство «Flegon Press»; в нём он выпускал книги российских и советских писателей, которые по тем или иным причинам не издавались в Советском Союзе.

Сорокашестилетний Алек Флегон (урождённый Олег Флегонт) имел странное происхождение и крайне мутную биографию. В Лондоне он объявился в 1957 году в качестве венгерского беженца (хотя никакого отношения к Венгрии не имел, будучи по национальности полурумыном-полубелорусом и гражданином Румынии), и до того, как стать независимым издателем, успел побывать мастером по ремонту телевизоров и холодильников и сотрудником Румынской службы Би-би-си. Недоброжелатели, коих у мистера Флегона всегда было предостаточно, утверждали, что он является агентом не то семи, не то восьми разведок, в числе коих назывались ЦРУ, КГБ, СИС, ДСТ, БНД, «Штази» и «Секуритате». Особо зловредные поносители добавляли в этот список разведслужбы государства Тринидад и Тобаго и Малых Антильских островов.

В британском издательском мире репутация у Флегона была неважная. Причём настолько, что полностью вписывалась в формулировку английской поговорки, гласящей, что до такого-то господина не следует дотрагиваться даже кончиком шестифутовой палки, иначе можно подхватить триппер. Известен Флегон в этом мире был тем, что основным принципом его издательской стратегии была формула «издаю всё, что хочу, — не плачу никому, потому как не хочу». А также тем, что, действуя в соответствии с этой заповедью, он обокрал нескольких живущих в СССР авторов, включая поэта Андрея Вознесенского и лауреата Нобелевской премии по литературе Александра Солженицына. Всё это, само собой, мотивировалось Флегоном тем, что он сражается с ненавистной ему советской идеологической цензурой.

Из числа других достижений издателя Флегона в деле борьбы с цензурой можно упомянуть то, что в его конторе в числе прочих «неподцензурных рари-

тетов» были выпущены сборник скабрёзных стихков А. С. Пушкина (под названием «Пушкин без цензуры»), легендарная матерная поэма Петра Васильевича Шумахера «Лука Мудищев» (приписанная авторству Ивана Семёновича Баркова, который её не писал), а также... скандальный роман Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь», текст которого Флегон украл из журнала «Октябрь», где тот был впервые опубликован.

«Смута Новейшего времени» во флегоновском издании представляла собой книжечку карманного формата объёмом в 66 страниц, со «слепой» обложкой, без иллюстраций и без «Послесловия Кочетова». По какой причине Флегон купировал этот фрагмент повести — неизвестно, однако вряд ли он опасался каких-то претензий со стороны самого Всеволода Анисимовича, поскольку тому до него было при всём желании не добраться. А вследствие того, что Советский Союз тогда ещё полностью игнорировал Международную конвенцию об авторских и смежных правах, то и иска с обвинением в пиратстве или диффамации Флегон мог не опасаться.

...и снова в Лондоне, Париже, Цюрихе и далее — везде

Вслед за русскоязычными изданиями «Смуты» последовали переводные. В 1971 году английский перевод повести — под названием «Troubles of Recent Times or The Amazing Adventures of Vanya Chmotanov» — был опубликован в издававшемся в Лондоне политологическом журнале «Survey». Этот журнал уделял значительное место вопросам подавления свободы слова и печати в странах с антидемократическими формами правления и рассматривал Самиздат как уникальное явление в борьбе советских диссидентов с их тоталитарным режимом.

В 1972 году появились переводы «Смуты» на немецкий и французский языки. Немецкий перевод выпустил швейцарский издатель Даниэль Кель в собственном издательстве «Diogenes» в Цюрихе; французский опубликовал знаменитый парижский редактор и издатель Морис Надо в виде приложения к своему двухнедельному литературному журналу «La Quinzaine Littéraire».

В предисловии к этому изданию, разъясняя французским читателям необходимость литературной мистификации, устроенной неведомым ему автором, Морис Надо высказал следующее предположение:

«Быть может, однажды станет известно — ибо неисповедимы тайны “двоемыслия”, — что если “Смута Новейшего времени” и не принадлежит к числу произведений Кочетова, то она написана другим, похожим на него, как родной брат, занимающим столь же прочное положение в обществе. И тогда “смельчак на миг” приобретёт паспорт в будущее».

Предположение издателя частично оправдалось. Когда три года спустя Морису Надо довелось познакомиться с обладателем «паспорта в будущее», он поведал ему о том, при каких обстоятельствах попала к нему написанная им повесть. Это произошло в Москве, куда французский издатель приехал как турист. В лифте

гостиницы, где Надо остановился, к нему притиснулся некий неизвестный человек и, ни слова не говоря, мгновенно сунул ему в карман крошечный свёрток — так же, как показываются такие передачи «в одно касание» в фильмах «про шпионов». После чего неизвестный вышел из лифта на следующем же этаже и, не обернувшись, растворился в окружавшей Надо тоталитарной действительности. В свёртке оказался рулон экспонированной фотоплёнки с каким-то текстом на русском языке. «Я почувствовал себя персонажем из фильмов про Джеймса Бонда», — пожаловался Бокову пожилой француз, никогда не имевший дела со спецслужбами. «Это был не я», — единственное, что смог ответить на это Боков, почувствовавший свою косвенную вину за произошедшее.

«Гротеск в рамках» и «наследник Пушкина»

На опубликованную в переводах «Смуту» появилось несколько рецензий. Их авторы воздавали должное стилистическим достоинствам сочинения таинственного советского писателя; при этом один из рецензентов дошёл в своём панегирике до того, что назвал его прямым наследником Пушкина — на что, по его мнению, намекал эпитафия из «Бориса Годунова».

Были отклики и в эмигрантской печати. Так, высокую оценку «Смуте» дал литературовед-диссидент Юрий Мальцев, эмигрировавший из СССР в 1974 году и обосновавшийся на жительство в Италии. В изданной в 1976 году книге «Вольная русская литература» он уделил «Смуте» несколько страниц. Подробно пересказав извивы её заковыристого сюжета, Мальцев сделал вывод, что автор этой сатирической фантазмагии «обладает большим комедийным талантом»; само же произведение написано «с тонким пониманием психологии толпы», причём «гротеск всё время остаётся в рамках правдоподобия», а нравы советского общества обрисованы «довольно рельефно и убедительно».

Усы, лапы и хвост

Человек, находящийся в полной зависимости от тоталитарного режима и при этом позволяющий себе над этим режимом издеваться, подобен человеку, подкрадывающемуся к спящему тигру, чтобы забавы ради подёргать того за усы или наступить ботинком ему на хвост. Сравнение тем более правомерно, чем более вероятна реакция хищника на столь безрассудное поведение. Тигр, даже только что слопавший пять килограммов вырезки из филейной части антилопы, не может оставить подобное хамство без наказания — чтобы у двулапого прямоходящего не возникло иллюзии, будто с ним, тигром, можно так фамильярно обращаться. Точно так же и тоталитарный режим не имеет права спускать попытки издевательств над ним со стороны отдельных несознательных подданных — чтобы у других, пока ещё сознательных, не возникло подобного искушения.

Подпольному сатирику-антисоветчику Николаю Бокову привелось испытать тигриный гнев на собственной шкуре.

Проблемы начались в 1971 году, когда его под надуманным предлогом отчислили из аспирантуры МГУ. При этом всем — и выгонявшим, и выгоняемому — было хорошо известно, что делается это не по дурости и некомпетентности университетского начальства и не по нерадивости аспиранта Бокова, но по настоятельному требованию «одной вышестоящей инстанции». После исключения из аспирантуры Боков длительное время не мог найти работу, соответствующую его профилю: в любом отделе кадров претендент с его послужным списком автоматически вызывал подозрение или в «аморальном поведении» или в «политической неблагонадёжности», и от него шарахались как от чумного. Приходилось зарабатывать на жизнь строительным рабочим без оформления (так называемым «шабашником»), летом возводя дачные садовые домики в окрестностях Москвы, а зимой предаваясь писательской страсти.

В том же 1971 году, установив связи с эмигрантскими литературными кругами, Боков начал нелегально переправлять «за бугор» рукописи своих беллетристических сочинений, которые затем публиковались под различными псевдонимами в энтээсовском журнале «Грани». Это был уже открытый вызов режиму.

В 1973 году Боков почувствовал, что его «пасут». От слежки до более серьёзных неприятностей был всего один шаг. Этот шаг был сделан 25 января 1974 года, когда гэбисты нагрянули с обысками и к самому Бокову, и в квартиры его родственников. Улов тайной полиции оказался значительным. Переворачивающие квартиру вверх дном опричники вели себя по-хамски. Когда у него изымали один из томов американского издания стихов Осипа Мандельштама, Боков поинтересовался, с какой целью утаскивают стихи — ведь они только что опубликованы в СССР в серии «Библиотека поэта». Услышав вопрос, руководивший погромом капитан ГБ Коркач рявкнул: «По мне, так за чтение этого Манделя пороть надо! Я бы — порол!» Получив ответ, Боков понял, что вступать в дальнейшие пререкания бессмысленно. Тигриная лапа в любое мгновение могла ударить прямо в лицо.

Дальше была серия допросов на Лубянке по «делу № 64» «О распространении антисоветских материалов». Для того, чтобы обвинить Бокова в проведении «антисоветской агитации», у гэбистов не хватало материалов: его собственные сочинения, беллетристику и стихи, под эту статью подверстать было невозможно, поскольку в них никакой явной «антисоветчины» не содержалось; однако эстетически они противоречили советской ментальности настолько, что, по лубянской «табели о диссидентских рангах», их автору светила принудительная госпитализация. «Вы что же, — запугивал подпольного сатирика следователь, — думаете, мы не знаем о вашем диагнозе? При восстановлении в университете вам удалось его скрыть. Мы вам учиться не мешали, работать на кафедре не препятствовали. Никто вас оттуда не выгонял, не придумывайте. Вы сами против нас пошли. Теперь пеняйте на себя!»

При этом ни на одном допросе авторство «Смуты» Бокову не инкриминировали. Из чего он сделал вывод, что гэбисты (по излюбленному боковскому определению — «кагэбята») до сих пор не имеют понятия о том, кто её написал.

Завершились «душеспасительные беседы» в КГБ ультиматумом: «В общем, так, Боков. Или вы поедете на запад — за свой счёт, или вас повезут на восток — за казённый. Выберите — и побыстрее!»

Боков выбрал. И 25 апреля 1975 года вместе с женой Ириной поднялся на борт самолёта, вылетающего из Москвы в Вену. Понимал ли он в тот момент, что покидает родину навсегда? Ответ на этот вопрос был известен только ему самому.

Конец мистификации

Из Вены семья Боковых отправилась в Париж. Там их уже ждали: Зинаида Шаховская не могла оставить без участия автора столь полюбившейся ей повести. Супругов Боковых приняли на работу в «Русскую мысль»: Николая — журналистом, Ирину — метранпажем в типографию газеты. По сравнению с прозябанием в брежневской Москве парижская жизнь выглядела как нескончаемый праздник, который всегда был рядом.

Обжившись на берегах Сены, Николай Боков решил выпускать собственный литературный журнал. Издание, учреждённое Боковым вместе с его приятелем Арвидом Кроном, получило название «Ковчег». В первом его номере, вышедшем весной 1978 года, был помещён очерк Николая Бокова под названием «Как была написана “Смута Новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова”». В нём Боков частично раскрыл секрет мистификации — признав собственную роль и упомянув о том, что у него имеется соавтор. При этом Бориса Петрова по имени он, естественно, называть не стал, ограничившись обозначением его термином «Икс» и упомянув о том, что «с некоторых пор он находится в безопасности, однако просит не называть его имени». Насчёт пребывания Икса в безопасности Боков, разумеется, соврал: Петров как работал в редакции газеты «Знамя строителя», так и продолжал в ней работать, — однако, прекрасно понимая, что это признание в самое ближайшее время пополнит его досье на Лубянке, действовал, исходя из соображений обеспечения безопасности соавтора.

Всеволоду Кочетову боковское саморазоблачение осталось неизвестным: ко времени, когда оно произошло, классик соцреализма уже четыре года как пребывал за пределами этого мира. Заболев раком, испытывая постоянные физические мучения и не веря в возможность советской медицины спасти его жизнь, 62-летний Кочетов застрелился 4 ноября 1973 года.

Поверх барьеров и границ

История с разоблачением литературной мистификации вызвала новый всплеск интереса к «Смуте» со стороны иностранных издателей.

В 1980 году повесть была выпущена в переводе на итальянский в Милане издательством «Jaka Book».

Два года спустя, в 1982-м, последовало её новое французское издание — книгу в переводе Клода Линьи выпустило парижское издательство «Robert Laffont». Французскому издателю оригинальное название показалось чересчур громоздким, и по согласованию с Боковым перевод был опубликован под названием «La Tête de Lénine» («Голова Ленина»). На обложке книги был изображён Ленин, бегущий в обнимку с головой Ленина, за которым гонится разъярённая толпа большевиков во главе с Лениным. Хохма, следует признать, получилась отчаянно смешная. Под статью оформлению было и предисловие, написанное эмигрантским литератором Александром Зиновьевым, автором некогда широко известных сочинений «Зияющие высоты» и «Светлое будущее». Доводя сатирический запал до максимума, издательство отправило тираж в магазины 1 апреля — в Международный День дурака.

В следующем, 1983 году цюрихский издатель Даниэль Кель переиздал немецкий перевод повести, на сей раз указав на обложке имя одного из её соавторов.

В те же годы в коммунистической Польше антикоммунистические подпольные издатели выпустили польский перевод «Смуты», сделанный Ежи Любаком. Это был евро-самиздат, буйным цветом расцветший во время Ярузельско-польской войны 1981–1983 годов и оказавший решающее воздействие на крушение просоветского режима в этой восточноевропейской стране, случившееся шестью годами позднее.

В Советском Союзе до конца 1980-х годов «Смута» продолжала обращение исключительно в Самиздате. Когда же во время горбачёвской Перестройки Самиздат пережил период весьма бурного, хотя и кратковременного расцвета, сатирической повести о похождениях карманника Чмотанова нашлось место на страницах неофициальной прессы. В 1989 году «Смута» публиковалась — из номера в номер, с продолжением — в московской самиздатской газетке «Искра», которую в те времена выпускала компания весёлых зубоскалов: Сергей Дюдюкин, Автандил Квавадзе и Ромуальд Инфлексибл (в обратном переводе с английского — Несгибаемый). Это издание, позиционировавшее себя как «газета политического стёба», выделялось на фоне прочего самиздатовского половодья тех лет тем, что для её издателей не существовало ничего такого, над чем нельзя было бы поиздеваться всласть. Чем они, собственно говоря, и занимались.

Новая эпоха — прежние времена

Эпоха расцвета Самиздата кончилась так же быстро, как и началась. Конец ей положил принятый в августе 1990 года «Закон СССР о печати», отменивший идеологическую цензуру. Тот же закон сделал возможным существование в Советском Союзе частных издательств и изданий — вещь, в условиях тоталитаризма абсолютно невозможная. Соответственно, новые печатные органы попёрли из-под московского асфальта как лесные мухоморы после летнего дождичка — довольно будет вспомнить одну только блаженной памяти мальгинскую «Столицу».

Одним из подобных новообразований стал литературный альманах «Конец века», возникший в Москве на рубеже 1990/1991 годов. Его создатель — 35-летний журналист Александр Никишин, формируя редакционный портфель своего издания, сделал ставку на публикацию сочинений, которые до сих пор не находили в СССР издателей даже несмотря на отмену идеологической цензуры.

Сатирическая повесть про похождения карманника-авантюриста Чмотанова, невесть какими путями попавшая в редакцию Никишинского альманаха, угодила в состав первого же его номера, оказавшись в одной компании с автобиографической книгой про поиски Грустного Бэби всем известного Василия Аксёнова и тюремными записками никому не ведомого Олега Паскевича, переложенными текстами песен московских бардов из объединения «Первый круг». Предваряя публикацию, редакция извещала читателей:

«Обращаясь к “Смуте Новейшего времени”, мы преследуем двоякую цель — снять пресс запретности с ещё одного талантливого произведения и посылить упредить те события, которые, в фантастическом предсказании автора, пожелавшего остаться неизвестным, могут грянуть на головы подуставшего от политических свар народа».

Из этого текста явствовало, что имени автора публикуемого сочинения редакция или не знала, или не хотела его обнародовать, исходя из каких-то ей одной известных соображений. О том, чем это было вызвано, Александр Никишин поведал три десятилетия спустя:

«Мы знали, что автора зовут Николай Боков; знали и о том, что живёт он не в Союзе, а где-то за границей. Но о том, что он — не автор, а соавтор, мы не знали. Попытались навести справки, как его разыскать, спрашивали у разных писателей-эмигрантов, с которыми работали, — у Василия Аксёнова, Анатолия Гладилина... Никто ничего про Бокова не знал. Так вот и опубликовали “Смуту” анонимно — так же, как её распространяли в Самиздате».

Пятидесятитысячный тираж 1-го номера «Конца века» вышел из типографии в феврале 1991-го. Это было время, когда Советский Союз уже вступил в финальную стадию существования, хотя абсолютное большинство его жителей об этом ещё и не догадывалось. Однако все его важнейшие символы — красный флаг с золотыми серпом и молотом, герб с теми же причиндалами, наложенными на земной шар, имперский гимн и особенно мумия его основателя — все эти прежде считавшиеся сакральными артефакты и терафимы (то есть предметы, обладающие магической, оккультной силой) — уже полностью утратили своё прежнее сакральное значение. Вся эта параферналия воспринималась народами СССР не более чем как символика распадающегося тоталитарного кошмара.

Главарь режима, не желавшие смириться с неизбежным, попытались повернуть ход истории вспять. Издатель Никишин вспоминает:

«В августе, в первый день путча, у нас в редакции то и дело раздавались телефонные звонки. Неизвестные доброжелатели рекомендовали мне мылить верёвку, на которой они меня повесят — за наши антисоветские публикации, и вообще. На следующий день таких звонков стало меньше. На третий они вовсе прекратились. Это было наглядным свидетельством того, что наступает новая историческая эпоха».

Новая историческая эпоха, наступившая в Советском Союзе 22 августа 1991 года, разом покончила со многими социально-политическими явлениями, без которых он просто не мог существовать. Одним из этих явлений стала антисоветская сатира, мгновенно умершая после провала попытки государственного переворота за дальнейшей своей ненадобностью. Четыре месяца спустя вслед за ней отправился и сам Советский Союз — вместе с его некогда казавшимися сакральными символами: флагом, гербом и гимном.

Но мумия основателя этого государства-монстра — осталась. И то, что она не была немедленно уничтожена, стало самой главной и самой страшной ошибкой новой власти, утвердившейся в России, возникшей на обломках советской империи. Это была та самая страшная ошибка, которая всегда становится хуже самого страшного преступления. Если бы она не была совершена, мы жили бы сейчас в совсем другой стране, гораздо больше подходящей для нормальной человеческой жизни, чем нынешняя.

Судьбы соавторов

Ни одного из соавторов «Смуты» в настоящий момент в этом мире уже нет.

Судьбы их сложились совершенно по-разному, хотя в чём-то они были схожи.

Борис Петров после написания повести об удивительных похождениях Вани Чмотанова продолжал служить в редакции газетки «Знамя строителя» и проработал там до 1990 года. То, что произошло после распада СССР, он воспринял крайне болезненно: реальность постсоветской России эпохи «смутных девяностых» категорически не соответствовала его чаяниям о том, что должно прийти на смену коммунизму. Как следствие, в течение многих лет Петров не мог найти себе в этой новой реальности места. В последние годы он просто абстрагировался от окружающей действительности и существовал по инерции, одолеваемый, к тому же, тяжёлой болезнью. 11 марта 2003 года Борис Петров умер в подмосковных Химках, трёх недель не дожив до своего 67-го дня рождения.

Николай Боков после вынужденной эмиграции более никогда на родину не приезжал. В его жизни во Франции произошло множество разнообразных событий, включая такие, про которые принято говорить, что их не пожелаешь и врагу. Жизнь кидала его из одной крайности в другую, проверяя характер на прочность и силу духа — на стойкость. В числе этих проверок был и тринадцатилетний период бродяжничества, когда Боков скитался по Европе и жил

в Париже и его окрестностях как клошар (французский бомж), существуя на милостыню, которую просил на церковной паперти, и помощь благотворительных религиозных организаций. Причиной тому было пережитое Боковым в 1982 году Божественное откровение, когда он убедился в реальности существования Бога и понял, что живёт неправильно. Вместе с верой и обращением к религии пришли и испытания, приведшие Бокова к выпадению из социума. С литературой было покончено, с семейной жизнью тоже. Многие знакомые из числа русских парижан, далёкие от религиозных поисков, считали, что Боков просто сошёл с ума. И тем бóльшим удивлением для таких людей стало возвращение его в общество, случившееся в декабре 1998 года.

Боков вернулся в Париж и стал жить привычной его обитателям жизнью. Возобновил он и писательскую деятельность. Но это был уже совсем другой Николай Боков — и писатель, и человек. От прежнего, ядовитого сатирика, разрабатывавшего тему кафкианского абсурда, в этом Бокове не осталось ни малейшего следа. То, что он писал и публиковал после возвращения, было вовсе не похоже на то, что он писал и публиковал до. От прежних своих сочинений Боков не отказывался, но говорить о них не любил, и со всей определённой давал понять, что они ему уже совсем не интересны. Мне стоило неимоверных усилий уговорить его согласиться на переиздание «Смуты Новейшего времени», что и было в конце концов сделано в мае 2012 года, когда она вышла в США в интернетном издательстве Сергея Юрьенена «Franc-Tireur USA».

Николай Боков умер 2 декабря 2019 года в Париже в возрасте 74-х лет. Надеюсь, после встречи с Богом он понял, что некоторые совершённые им в земной жизни поступки были обусловлены не более чем вздорными заблуждениями, которые так свойственны несовершенной человеческой природе.

Журнальный вариант.

Автор выражает искреннюю благодарность и признательность за содействие в работе Николаю Бокову (посмертно), Анатолию Воронову и Александру Никишину.